

О. Л. Ахунова
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия. levinskaja@mail.ru

«ЭГЕИДЫ, ПРЕДКИ МОИ»: ГОЛОС ХОРА ИЛИ ГОЛОС В ХОРЕ?¹

Один из пассажей *Пятой Пифийской оды* (ст. 72–76) вызывает особые затруднения исследователей и комментаторов: вопрос о том, говорит ли здесь «я» сам поэт или хор, так и не получил однозначного ответа. Основная цель этой заметки — попытаться объяснить, почему однозначный ответ в данном случае противоречил бы самому замыслу Пиндара, который создает это «я» как амальгаму, «сплавив» свой голос с голосом хора.

Ключевые слова: Пиндар, Кирена, голос, поэт, хор.

Olga Akhunova
Institute for Oriental and Classical Studies, HSE University, Moscow, Russia.
levinskaja@mail.ru

«Αἰγεῖδαι, ἐμοὶ πατέρες»: the voice of the chorus or in the chorus

This paper is an attempt to clarify one puzzling place in Pindar's *Pythian Five*, which has given rise to various interpretations and remains insufficiently clear. The central contention is that the first person in the third triad (lines 72–76) is neither the poet, nor the chorus, but a sort of amalgam, intentionally created by Pindar to make his audience hear his voice as a part of the Cyrenean chorus and the *cityzenry* of Cyrene. The interpretation proposed in the paper makes more valid a manuscript reading of the verb in line 72, usually rejected by editors.

Keywords: Pindar, Cyrene, voice, poet, chorus.

«Я»-высказывания в одах Пиндара редко поддаются однозначному истолкованию, а потому интригуют, становясь предметом научных дискуссий². В этой заметке мы рассмотрим один из наиболее проблематичных пассажей — ст. 72–76 *V Пифийской оды*. Ода была написана по случаю победы Аркесилая IV, царя Кирены, в гонке колесниц в 31 Пифиаду, то есть в 466 г. или в 462 г. до н. э. Комментаторы часто указывают одну из

¹ Исследование осуществлено при поддержке фонда «Гуманитарные исследования» ФГН НИУ ВШЭ.

² О семантике 1-го лица у Пиндара: Lefkowitz 1991; 1995:139–150; Currie 2013: 243–282; Calame 2011: 115–138; Stehle 2017: 8–33.

этих дат (Gildersleeve 1890: 305; Sandys 1915: 232; Burton 1962: 135; Gasparov 1980: 90; 426; Gentili 1995:159), хотя веских оснований для выбора в пользу той или другой датировки у нас нет (Currie 2005: 226).

Само появление этой оды схолиасты объясняли тем, что *IV Пифийская ода*, посвященная той же победе царя Аркесилая, получилась у Пиндара в большей степени рассказом о Ясоне, нежели хвалебной песней, а потому ему пришлось сочинить еще одну песнь в честь победы Аркесилая (Drachmann II 1910: 171–172).

Ни о месте, ни об обстоятельствах исполнения *V Пифийской оды* схолиасты не сообщают ничего, но сам текст оды убеждает, что она была предназначена для публичного исполнения в Кирене. Об этом свидетельствует, прежде всего, выбор истории, которая составляет композиционный центр оды (ст. 55–95), — это история о Батте, основателе Кирены. История включает и детали топографии Кирены: достаточно определенно указано месторасположение могилы самого Батта (ст. 93–95) и других царей (ст. 96–98), культ которых существовал в Кирене.

К числу доводов в пользу того, что *V Пифийская ода* должна была исполняться именно в Кирене, можно отнести и обращение к вознице Аркесилая, Карроту, где говорится не только о его атлетическом подвиге в Дельфах, но и о том, что он уже вернулся из Дельф в Кирену: «А теперь с блистательных игр вернулся (ἤλθεῖς ἤδη) / на равнину Ливии, в родной/город» (ст. 46–53).

Что касается обстоятельств исполнения оды, то оно, возможно, было приурочено или совпало с Карнеями — ежегодным праздником в честь Аполлона. Доводы в пользу этого предположения комментаторы находят в третьей триаде. Во-первых, это перечисление благодеяний Аполлона, с которого начинается триада (ст. 63–69): обычно используемый в гимнах, этот прием, считают комментаторы, в какой-то мере придает эпиникию гимнический характер, тем самым «адаптируя» его к обстоятельствам празднества в честь Аполлона. Во-вторых, это обращение к Аполлону в антистрофе, где хор именуется Аполлона «Карнейским» и говорит о пире в его честь (ст. 79–81): «и на твоём пиру, Аполлон Карнейский, / мы чтим Кирену, прекрасно отстроенный город», Ἄπολλον, τεῶν / Καρνῆϊ', ἐν δαίτῃ σεβίζομεν / Κυράνας ἀγακτιμέναν πόλιν. Форму σεβίζομεν можно

понять как обозначение актуального настоящего времени и, следовательно, как указание на то, что ода исполнялась в ходе празднования Карнеев (Burton 1962: 135–137; 145; Currie 2005: 226–227)³.

Интересующий нас пассаж — всего лишь одно предложение с относительным придаточным:

τὸ δ' ἐμὸν γαῦρει
ἀπὸ Σπάρτας ἐπήρατον κλέος,
ὄθεν γεγενναμένοι
75 ἴκοντο Θήρανδε φῶτες Αἰγεΐδαι,
ἐμοὶ πατέρες, οὐ θεῶν ἄτερ, ἀλλὰ Μοῖρά τις ἄγεν·

Здесь есть некоторые текстологические сложности. В ст. 72 три наиболее надежные рукописи (B, D, E) дают чтение γαῦρετ', хотя есть еще чтение γαῦρεντ' (Q) и γαῦράτ' (G). Схолии в лемме фиксируют форму γαῦρετ(αι), значение которой схолиаст передает как *καυχᾶται* 'хвалится, хвастается'. При этом τὸ ἐμὸν схолиаст воспринимает как согласованное с κλέος и парафразирует ст. 72–73 так: «Моя слава хвалится, что происходит из Спарты» (Drachmann II 1910: 183, 96a). Эта фраза может быть воспринята как продолжение и развитие предыдущей, что вполне соответствует одному из двух основных значений частицы δέ (Denniston 1954: 162). Тогда смысл ст. 69–73 таков: «По пророчеству Аполлона поселили Гераклидов и потомков Эгимия в Лакедемоне, в Аргосе и в Пилосе. И моя слава [тоже] хвалится, что происходит из Спарты».

Издатели и комментаторы предлагают здесь исправления. Конъектура Виламовица — γαῦρει (Wilamowitz 1922: 479). Это чтение принимает Боура (Bowra 1935: 89), оно принято и в издании Снелля-Мелера, по которому приведен греческий текст пассажа (Snell, Maehler 1984: 95). В этом случае κλέος оказывается объектом переходного γαῦρει («воспевает что? — славу»), а подлежащим — субстантив τὸ ἐμὸν, который должен обозначать некую собственность того, кто говорит о себе в 1-м лице, нечто ему принадлежащее — «мое существо» (?), «мое дарование» (?) или, в конечном счете, быть просто описательным аналогом местоимения ἐγώ. В этом случае частица δέ, как и в

³ О содержащихся в тексте **Пиф. 5** указаниях на особенности ее исполнения — Sobak 2013: 99–153.

предыдущем случае, может указывать на развитие мысли: «По пророчеству Аполлона поселили Гераклидов и потомков Эгимия в Лакедемон, в Аргосе и в Пилосе. И я тоже воспеваю славу, которая происходит из Спарты». Но более вероятным представляется здесь противительный смысл частицы δέ: тот, кто говорит от 1-го лица, как бы врывается в плавное повествование, чтобы напомнить о главной цели эпиникия — хвалить и прославлять: «А я воспеваю славу, которая происходит из Спарты». Этот прием Пиндар часто использует, когда хочет обозначить переход к прямым похвалам победителю (Miller 1981: 136–137; Burton 1962: 119; Hubbard 1990: 82; Brown 2006: 44).

Другие издатели предпочитают конъектуру Херманна γαρούε(ι)ν — ср. γαρούεν как форму infinitivi praesentis activi у Пиндара в **Олимп.1. 3**. Такое чтение принимают Гильдерслив и Либерман в форме γαρούεν (Gildersleeve 1890: 311; Liberman 2004: 134; 272), а Рейс — в форме γαρούειν (Race 1997: 306). Синтаксис фразы в этом случае таков: при подлежащем, выраженном инфинитивом γαρούε(ι)ν, — составное именное сказуемое τὸ ἐμὸν [ἔστί]. И тогда смысл можно передать так: «А мое дело — воспевать восхитительную славу, происходящую из Спарты». В следующих стихах (ст.74-76) это предложение развивается относительным придаточным: ὅθεν γεγενναμένοι / ἴκοντο Θήρανδε φῶτες Αἰγεΐδα, / ἐμοὶ πατέρες, «откуда [т. е. из Спарты — О. А.] происходящие, пришли на Феру мужи Эгеиды, мои предки».

Независимо от того, какое чтение для глагола мы принимаем, возникает вопрос: кто говорит от 1-го лица — хор киренцев или сам Пиндар? Эту неоднозначность отметил еще схолиаст (Drachmann: 183, 96 а). Мнения современных исследователей и комментаторов разделились. Некоторые относят ст. 72–76 к тем пассажам в эпиникиях Пиндара, где звучит голос, отличный от голоса хора — см., например, Gildersleeve 1890: 311; Wilamowitz 1922: 479–80; Burton 1962: 146–7; Lefkowitz 1991: 169–90. Другие считают, что в 1-м лице говорит о себе хор Кирены (d'Alessio 1994: 122–124; Currie 2013: 227–228, n.13).

Если τὸ δ' ἐμὸν (ст. 72) и ἐμοὶ (ст. 76) Пиндар относит к себе самому, то он тем самым объявляет своими предками спартанский род Эгеидов. На первый взгляд, это плохо соотнобразуется с

тем, что мы знаем о происхождении Пиндара — а именно, что он был уроженцем Фив в Беотии. Но из объяснений Геродота (Hdt. 4. 145–153), поэтической реплики Каллимаха (Call.Ap.70 sq.) и схолиев (Drachmann II 1910: 183–184, 96 ab, 99 ab, 101 ab) следует, что род Эгеидов возник в результате ассимиляции в Спарте выходцев из Фив, потомков Кадма. Эгеиды участвовали в колонизации острова Фера, откуда и была выведена колония в Кирену (Asheri 2007: 672–673; Agócs 2020: 89; 112–113). И у нас есть основания думать, что Пиндар воспринимал связь между Эгеидами и фиванцами как родственную: в *VII Истмийской оде*, написанной для фиванца, он назвал Эгеидов «отпрысками» (ἔκγονοι) Фив (ст.15). Следовательно, нет ничего невероятного в том, что в нашей оде Пиндар говорит от своего лица, мысля Эгеидов своими далекими предками.

Доводов **против** того, что «я» может быть здесь голосом самого поэта, немного. Во-первых, это сомнение в том, что Пиндар мог употребить слово *πατέρες* в значении «предки» применительно к той ветви фиванцев, которая покинула Фивы, соединилась со спартанцами, дав начало роду Эгеидов (d'Alessio 1994: 122). Вместе с тем, нет доказательств, что Пиндар мыслил своими *πατέρες* только прямых предков, а не всех фиванцев. Во-вторых, это отсутствие в тексте оды указаний или намеков на фиванское звено истории Эгеидов, которое связывает поэта с этой историей. Вместе с тем, в данном контексте Пиндару важнее дорийская линия истории, которая ведет от потомков Эгимия и Гераклидов (ст. 69–72) к Фере, а от нее — к Кирене. А фиванскую линию истории Эгеидов Пиндар подчеркивает в *VII Истмийской оде*, адресованной фиванцу и предназначенной, вероятнее всего, для исполнения в Фивах. В-третьих, это стилистика предшествующих нашему пассажиу строк (ст. 63–69): как уже говорилось, она сближает оду с пеаном, для которого характерно именно хоровое «я» (Currie 2005: 227–228). Вместе с тем, можно ли ожидать от Пиндара такой последовательности в проведении семантической линии «я» именно в этом отдельном случае, в то время как в целом невозможно вывести никакого правила в его употреблении высказываний от 1-го лица?

Некоторые комментаторы предполагают, что 1-ое лицо в ст. 72 и 76 — это не голос Пиндара, а голос корифея хора, кото-

рый, как и хор киренцев в целом, мыслит себя потомком Эгеидов (Sandys 1915: 242–242, n. 1; Liberman 2004: 135).

Джентили считает, что от 1-го лица говорит хор, но совсем иначе видит синтаксис фразы. Он не принимает вышеуказанных конъектур и возвращается к рукописному γαῤῥέται, но не в элидированной, а в полной форме, читая -υ как неслоговое и тем самым сохраняя количество слогов: τὸ δ' ἐμὸν γαῤῥέται ἀπὸ Σπάρτας ἐπήρατον κλέος. По мысли Джентили, субъектом здесь является упомянутое в предыдущей фразе прорицалище (μαντήϊον), на которое и указывает τὸ δ' в начале фразы, а ἐμὸν ἐπήρατον κλέος следует воспринимать как единое сочетание, синтаксическая роль которого — логическое подлежащее в конструкции accusativus cum infinitivo (с опущенной связкой). Тогда перевод: «Но оно [прорицалище — О. А.] возвещает, что моя восхитительная слава происходит из Спарты» (Gentili 1995: 176; 531).

Таким образом, вопрос о смысловом наполнении «я» в ст. 72–76 окончательно не решен. Дополнительную сложность — как в этом случае, так и в остальных, связанных с неоднозначностью «я»-высказываний у Пиндара, — создает то обстоятельство, что трактовки смыслового наполнения «я» бывают убедительны только применительно к тексту как таковому, вне связи с ситуацией его живого исполнения. Но если занять позицию слушателя, а не читателя, то возникает вопрос: могла ли аудитория расслышать в таком «я» индивидуальный голос поэта? Или для слушателей существовало только высказывание хора как некоего социума, частью которого они себя ощущали? В некоторых случаях само содержание «я-высказывания» может заставить аудиторию воспринять его исключительно как выражение индивидуального, а не коллективного сознания. Например, это происходит в том случае, когда высказывается некое чувство или переживание: такое высказывание, считает Маарит Каимио, неизбежно звучит как личное, индивидуальное, потому что сами эмоции человека индивидуальны (Kaimito 1970: 61). Но в целом эта проблема сложна, а часто неразрешима.

Я бы хотела предложить иной подход к истолкованию «я»-высказывания в *V Пифийской оде*. Дело в том, что даже если мы признаем, что «я» у Пиндара не обладает устойчивым смысловым наполнением, что оно способно меняться не только от

оды к оде, но даже внутри самой оды, так что в качестве *persona loquens* может выступать то сам поэт, то хор, а его устами — те граждане, которых он представляет (Currie 2013: 246–247), — даже с этой позиции мы обычно ищем однозначный ответ на вопрос о том, кто здесь говорит от первого лица и, следовательно, в какой мере это смысловое наполнение «я» может быть распознано слушателями. С моей точки зрения, в данном случае однозначный ответ противоречил бы авторскому замыслу: «я» здесь задумано как амальгама, где личное, авторское «я» растворено в коллективном, хоровом.

Коллективное «я» — это голос Кирены, ее граждан, славящих своего царя-победителя. Личное «я» — это голос фиванца Пиндара. Если мы принимаем конъектуру Херманна τὸ δ' ἐμὸν γάρβειν / ἄλὸ Σπάρτας ἐπήρατον κλέος, то этот голос объявляет своим долгом воспевание славы, которая происходит из Спарты. Если мы принимаем конъектуру Виламовица τὸ δ' ἐμὸν γάρβει / ἄλὸ Σπάρτας ἐπήρατον κλέος, то голос поэта просто констатирует, что воспевает эту славу. Нюансы не меняют основного смысла: «я, поэт, воспеваю самые истоки истории Кирены». При этом прочерченная поэтом линия истории — дорийская: в ст. 69–72, непосредственно предшествующих интересующему нас пассажи, Пиндар возводит эту историю к отпрыскам Эгимия и Геракла, которые по воле Аполлона населили Лакедемон, Аргос и Пилос, т. е. к истории заселения Пелопоннеса дорийцами (D.S. 4, 37; 58; **Apollod.2**, 8). Ключевым здесь является Лакедемон, ведь именно отсюда пришли на Феру основатели Кирены — Эгеиды. Личное, авторское «я» не может восприниматься частью этой истории — пока в ст. 76 Эгеиды не будут названы «моими предками». Эта самоидентификация выглядит как хорошо продуманный ход: не опровергая своего беотийского происхождения, Пиндар указывает на родство с основателями Кирены, что, как замечает схолиаст, дает ему право объявить себя «своим» среди местных участников праздника, включая и самого победителя — царя Кирены (Drachmann II 1910: 184, 99b). Так авторское «я» сливается с хоровым.

Читая ст. 72 без учета конъектур — τὸ δ' ἐμὸν γάρβει(αι) / ἄλὸ Σπάρτας ἐπήρατον κλέος — и следуя при этом интерпретации схолиаста, мы вынуждены признать, что поэт едва ли мог сказать от своего лица: «И моя восхитительная слава [тоже] хвалится, что происходит из Спарты». Но если считать, что

фраза не подразумевает конструкции с инфинитивом, как думал схолиаст, то смысл ее будет иным: «И моя восхитительная слава [тоже] звучит из Спарты». Или: «И обо мне восхитительный слух [тоже] доносится из Спарты». Применительно к личному, поэтическому «я» это означает, что поэт прославился в Спарте. У нас нет никаких свидетельств в пользу того, что поэзия Пиндара пользовалась успехом у спартанцев — мы не знаем ни одного эпиникия, посвященного спартанцу⁴. Не могут служить подтверждением этого и те пассажи, в которых говорится о Спарте или мифологической истории расселения дорийцев на Пелопоннесе. Вместе с тем, исключить возможность признания Пиндара в Спарте у нас тоже нет оснований (Hornblower 2004: 239–243). Более того, ст.72, прочитанный без конъектур, и может оказаться таким уникальным свидетельством признания Пиндара в Спарте, где, по его словам, «хороводы, и Муза, и блеск» (fr.199, 3). В таком случае, Пиндар усиливает спартанскую самоидентификацию: со Спартой его связывает не только принадлежность клану Эгеидов, но и профессиональный успех.

Тенденция «соединить» Фивы и Спарту — правда, вне всякой связи с самоидентификацией — отчетливо видна в *XI Пифийской оде*, где Пиндар не просто излагает «проспартанскую» версию мифа об Оресте, но строит всю архитектуру оды на равновесии фиванского и спартанского компонентов. Эта ода адресована фиванцу, открывается обращением к трем фиванским героиням, содержит описание праздника в фиванском храме, но центральная мифологическая история обладает подчеркнута проспартанской окраской, а в заключении оды Пиндар обращается к образам трех героев-конников, один из которых, Иолай, — фиванский, а два других, Кастор и Полидевк, — спартанские. Такое специфическое строение оды исследователи объясняют как дипломатичный ход Пиндара, соответствовавший стремлению его фиванского заказчика подчеркнуть глубину и прочность связи между Фивами и Спартой в той политической ситуации, когда после битвы при Танагре 457 г. у фиванцев появились основания рассчитывать на союзничество и

⁴ Гипотетически фрагментом такого эпиникия мог быть отрывок, сохранный Плутархом, где содержится прямая похвала Спарте, одновременно воинственной и мусической (fr.199 = Plut.Lyc.21.3)

поддержку Спарты в трудных обстоятельствах афинского давления на Беотию (Bowra 1936: 135–137; Hubbard 2010: 193–199).

Анализируя политическую подоплеку *XI Пифийской оды*, исследователи указывают, что из двух возможных датировок оды (474 г. или 454 г. до н.э.) предпочтительнее более поздняя, потому что именно за эти двадцать лет произошел переворот в отношении Фив к Спарте от враждебности к дружественности. Изменения в политических симпатиях Пиндара прослеживают в текстах од: если в 470 г. Афины и Спарта уравновешены в его образной системе благодаря своим успехам в борьбе с персами (*I Пифийская ода*, 75–77), то в 460 г. уже звучит опасение за судьбу Эгины, которой угрожают Афины (*VIII Олимпийская ода*, 85–89) (Bowra 1936: 136). Заметим, что Пиндар затрагивает мифологические истории, связывающие фиванское с дорийским, и в *VII Истмийской*, написанной для фиванцев предположительно в 454 г.

Интересующая нас *V Пифийская ода* тоже относится к этому периоду — напомним, что ее датируют 466 г. или 462 г. И я рискну высказать предположение: не может ли стремление фиванца Пиндара отождествить себя со Спартой объясняться политической ситуацией, а именно, тем, что в 60-е гг. процесс сближения Фив со Спартой уже происходил? Ведь такая самоидентификация могла быть дипломатичным ходом Пиндара — не менее тонким, чем проспартанские коннотации *XI Пифийской оды*, и не только способствовать сближению фиванского поэта с его киренскими заказчиками, но и служить иным его интересам — патриотическим, связанным с полезными для Фив переменами в отношениях со Спартой.

Итак, расслышать личный пиндаровский голос в ст. 72–76 можно, но он будет для нас звучать по-разному, в зависимости от того, признаем ли мы верными предлагаемые исправления, или доверимся рукописям и схолиасту. В одном случае окажется, что звучит он только для того, чтобы расслышавшие этот голос знали о глубокой родственной связи поэта с основателями Кирены и, следовательно, о его полноправной причастности празднеству, хору, чествующему победителя, — и самому победителю. В другом случае окажется, что этот голос более настойчиво выделяет спартанскую ноту, упоминая не только о родственных связях с Эгеидами, но о признании заслуг фиванского поэта в Спарте. И в этом случае он звучит еще и ради

Фив, ради их сближения со Спартой. Но в любом случае отделить этот голос от голоса хора невозможно, потому что так мог сказать о себе каждый киренец — и не только о предках-Эгеидах, но и о славе Кирены, которая звучит из Спарты, потому что там ее истоки. Иными словами, Пиндар с самого начала растворяет свой «фиванский» голос в спартанской предыстории Кирены. И главное намерение пиндаровского «я» — прозвучать в унисон, не выделяя своего голоса из хора, но, наоборот, сливаясь с ним и при его посредстве — со всеми киренцами. Именно поэтому так легко в следующем колоне (ст.77–81) «я» превращается в «мы»: «оттуда [из Спарты] мы переняли / застолья в складчину, с заклинанием многих / жертв, и на твоём пиру, Аполлон Карнейский, / мы чтим Кирену, прекрасно отстроенный город» (пер. Г. Стариковского).

Литература / References

- Agócs, P. 2020. Pindar's Pythian 4: Interpreting History in Song. *Histos Supplement* 11: 87–154.
- Asheri, D., Lloyd, A., Corcella. 2007. *A Commentary on Herodotus Books I–IV*. Oxford University Press.
- Bowra, C. M. 1936. Pindar, Pythian XI. *The Classical Quarterly* 30 (3/4):129–141.
- Bowra, C. M. (ed.). 1935. *Pindari carmina cum fragmentis*. Oxford.
- Burton, R. W. B. 1962. *Pindar's Pythian Odes, Essays in Interpretation*. London: Oxford University Press.
- Calame, C. 2011. Enunciative fiction and poetic performance. Choral voices in Bacchylides' epinicians. In: *Archaic and Classical Choral Song: Performance, Politics and Dissemination*. L. Athanassaki, E. L. Bowie (eds.). Walter de Gruyter, 115–138.
- Currie, B. 2005. *Pindar and the Cult of Heroes*. Oxford University Press.
- Currie, B. 2013. The Pindaric First Person in Flux. *Classical Antiquity* 32 (2): 243–282
- D'Alessio, G. B. 1994. First-Person Problems in Pindar. *Bulletin of the Institute of Classical Studies* 39, 117–139.
- Denniston, J. D. 1954. *The Greek Particles*. Oxford: Clarendon Press.
- Drachmann, A. B. 1910. *Scholia vetera in Pindari carmina II*. Lipsiae: in aedibus B. G. Teubneri.
- Gasparov, M. L. 1980. *Pindar. Vakhilid. Ody. Fragmenty*. [Pindar. Bacchylides. Odes. Fragments]. Moscow: Nauka (in Russian).
- Gentili, B. 1995. *Pindaro. Le Pitiche*. Con collaborazione di P. A. Bernardini, E. Cingano, and P. Giannini. Fondazione Lorenzo Valla — A. Mondadori Editore.
- Gildersleeve, B. L. 1890. *Pindar: The Olympian and Pythian Odes*. New York, Cincinnati, Chicago: American Book Company.
- Hornblower, S. 2004. *Thucydides and Pindar. Historical Narrative and the World of Epinician Poetry*. Oxford University Press.

- Hubbard, T. 2010. Pylades and Orestes in Pindar's Eleventh Pythian: The Uses of Friendship. In: P. Mitsis, C. Tsagalis (eds.). *Allusion, Authority, and Truth. Critical Perspectives on Greek Poetic and Rhetorical Praxis*. Berlin; New York: De Gruyter.
- Kaimio, M. 1970. *The Chorus of Greek Drama within the Light of the Person and Number Used*. Helsinki: Societas Scientiarum Fennica.
- Lefkowitz, M. R. 1991. *First Person Fictions. Pindar's Poetic "I"*. Oxford: Clarendon Press.
- Lefkowitz, M. R. 1995. The First Person in Pindar Reconsidered — Again. *Bulletin of the Institute of Classical Studies* 40:139–150.
- Liberman, G. 2004. *Pindare: Pythiques*. Paris: Calepinus.
- Race, W. H. (ed. and trans.), 1997. *Pindar. Vol. 1: Olympian Odes. Pythian Odes*. The Loeb Classical Library. Cambridge, MA; London, England: Harvard University Press.
- Sandys, J. (ed. and trans.). 1915. *The odes of Pindar: including the principal fragments*. London: William Heinemann; New York: The Macmillan Co.
- Snell, B., Maehler, H. (eds.). 1984. *Pindari carmina cum fragmentis. Pars I: Epinicia*. Bibliotheca Scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana. 8th ed. Leipzig.
- Sobak, R. 2013. Dance, Deixis, and Performance of Kyrenean Identity: a Thematic Commentary on Pindar's "Fifth Pythian". *Harvard Studies in Classical Philology*, Vol. 107: 99–153.
- Stehle, E. 2017. The Construction of Authority in Pindar's Isthmian 2 in Performance. In *Authorship and Greek Song: A hority, Authenticity, and Performance: Studies in Archaic and Classical Greek Song*. Ed. E. Bakker. BRILL, p.8 — 33.
- Wilamowitz-Moellendorff, U. von. 1922. *Pindaros*. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung.